

В. СЕЛЕЗНЕВ, Е. СЕЛЕЗНЕВА

ДЕЛО ВИКТОРА ГРОССМАНА

1

«Милостивый Государь,

как видите, я смущена тем, что в течение двух месяцев не выразила Вам своей признательности за то, что Вы первый оказали внимание памяти моего дорогого отца, а между тем прошел уже 31 год с тех пор, как имела несчастье его потерять.

Но, видите ли, очень трудно найти средство, чтобы дать Вам возможность познакомиться с этими бумагами. Потому что их невозможно доверить ни кому бы то ни было, ни почте, ни железной дороге.

Боюсь, что таможня их конфискует, а в них несколько килограммов. Мой отец придавал большое значение своей философской системе и своим философским трудам. Его дневник датирован 60–70 годами — время, когда я начала жить с ним, — и постепенно он его оставлял.

Переписка его погибла во время пожара в Кобылинке. Семейные бумаги и портреты я оставила семье Петрово-Соловово в Октябре 1917 года, когда я принуждена была покинуть Россию во время революции. Остальные бумаги у меня во Франции. У меня есть прекрасный портрет моего отца, рисованный Бобровым в 1885 году. Я отцу говорила, что мое намерение завещать его музею в Эрмитаже.

Вы видите мои затруднения, как Вы думаете их устранить. Моя кузина М. М. Петрово-Соловово, которая находится в Москве, имела сердечный припадок, и теперь не время с ней об этом говорить. Когда ей станет лучше, Вы сможете с ней поговорить.

Желаю Вам от всего сердца достичь Вашей цели и прошу Вас принять мою благодарность и лучшие пожелания»¹.

Автор письма, посланного из Франции в Россию 25 июля 1934 года, — графиня Луиза Александровна де Фальтан (1851—1940), единственная дочь Александра Васильевича Сухово-Кобылина (1817—1903). Упоминаемая кузина — Мария Михайловна Петрово-Соловово (1858—1941), племянница писателя.

И наконец, адресат письма — историк литературы, профессор Виктор Азриэлевич Гроссман, в это время любовно и тщательно готовивший к печати рукопись своей будущей книги — «Дело Сухово-Кобылина» (М., ГИХЛ, 1936). В заявке «Процесс А. В. Сухово-Кобылина и его творчество», посланной 11 марта 1933 года в Гослитиздат, ученый впервые выдвинул тезис, что «в основе творчества С[ухово]-Кобылина лежит громадная личная правда, она совпала с общественной»; «вот почему его трилогия приобрела громадное общественное, даже историческое значение»². В монографии Виктор Гроссман не только убедительнейше опровергнет более чем спорную версию своего однофамильца — Леонида Гроссмана, безоговорочно объявившего Сухово-Кобылина убийцей своей гражданской жены Луизы Симон-Деманш (его исследование так и называлось — «Преступление Сухово-Кобылина» — Л., «Прибой», 1928), но и впервые неопровержимо установит, кто, как, где и когда убил парижскую модистку и московскую купчиху Симон-Деманш.

Луиза де Фальтан не только несказанно обрадована, но и потрясена письмом Виктора Гроссмана, пришедшим из той, ныне столь далекой России, которую ее отец так любил, так жалел, так проклинал. Неужели там, на его родине, кто-то еще не только помнит Сухово-Кобылина, но и чтит его как великого писателя? Растроганная и благодарная Луиза готова тут же отдать весь громадный архив отца, который она бережно хранила все эти десятилетия, не ставя никаких условий, не требуя никакой оплаты, лишь бы эти бесценные материалы попали в надежные и любящие руки. Но как без риска пере-

¹ РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 2. Перевод с французского. Подлинник — там же. Л. 1—1об.

² Там же. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 1об.

править архив в Россию, не знает ни госпожа Фальтан — она резонно опасается, что бдительнейшая советская таможня конфискует все материалы и они бесследно исчезнут, — ни Виктор Гроссман.

Ученому, разумеется, хорошо известно, что главный собиратель и закупщик историко-литературных документов в Советском Союзе и за рубежом — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, в те же годы — председатель Петроградского комитета по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем. Деятель фанатично-неудержимый и цинично-беспринципный, которому в 1931 году партия доверила возглавить создающийся главный литературный музей страны.

Но, похоже, Гроссману не очень-то хочется иметь дело с Бонч-Бруевичем, и он предпочитает обратиться в 1935 году в Гослитиздат, для которого он и готовит свою книгу, к руководителю сектора классиков С. И. Кавтарадзе: «Г[оспожа] Фальтан, желая дать мне возможность познакомиться с этими бумагами, не находит способа передать их в мое распоряжение. Препровождая Вам ее письмо в копии и с переводом, прошу Вас принять меры к тому, чтобы ценный архив великого драматурга поступил в распоряжение Гослитиздата. Надеюсь, что, получив эти бумаги, Вы дадите мне возможность опубликовать их с моими комментариями, а также использовать для книги о жизни и творчестве Сухова-Кобылина, над которой я работаю»³.

Однако Государственное литературное издательство не пожелало обременять себя излишними хлопотами и переадресовало просьбу ученого все тому же Бонч-Бруевичу. Резолюция С. И. Кавтарадзе 13 января 1935 года на письме Виктора Гроссмана: «Т. Марзолин. Прошу направить это В. Д. Бонч-Бруевичу в Лит. Музей: — я с ним говорил, и его это дело интересует. Т. Гроссман потом может получить в Лит. Музее возможность работать над материалом» (Там же).

Хотя главный кремлевский оценщик и скупщик архивных материалов и заинтересовался архивом Сухова-Кобылина, но в том году у него иные, куда более амбициозные планы. Он снаряжает экспедицию в город на Неве, где после убийства Кирова энкаведэшники тысячами бросают петербуржцев в тюрьмы, расстреливают, высылают из города. В нем, вконец запуганном тотальным террором, царит всеобщая паника.

С циничной откровенностью 16 апреля 1935 года Бонч-

³ РГАЛИ. Ф. 612 (ГЛМ). Оп. 1. Ед. хр. 748. Л. 1. В дальнейшем все ссылки на этот фонд даются в тексте статьи.

Бруевич докладывает В. М. Молотову: он получает сведения «из Ленинграда, где совершается передвижка населения, что многие из отъезжающих, или предполагающих, что они должны будут уехать, творят ужасные дела: то ли не понимая, то ли по злобе, то ли из боязни — уничтожают ценнейшие архивы XVIII и XIX веков.

Я знаю, что недавно, например, одна 80-летняя старуха, дочь известного драматурга Потехина, современника Островского, уничтожила всю переписку к нему <...> Здесь необходимо было бы действовать решительно и быстро скупать все архивные документы, причем эта скупка в настоящее время может производиться почти за бесценок». Сам Бонч-Бруевич «готов был бы выехать в Ленинград на некоторое время, захватив с собой одного-двух опытных, вполне дисциплинированных сотрудников, и организовал бы без всякого шума скупку этих материалов, причем, само собой понятно — цены на эти материалы нам удалось бы очень понизить против тех, которые установились на этом рынке».

Рьяного директора осенила еще одна мысль: а почему бы не попросить «Народного Комиссара Внутренних дел тов. Г. Г. Ягоду, чтобы он отдал распоряжение, чтобы при обысках, которые совершаются в Ленинграде и Москве перед высылкой людей, все письменные материалы обязательно были бы отбираемы и чтобы они, таким образом, не могли быть после уничтожены»⁴.

Ягода согласился, что Бонч-Бруевича следует послать в Ленинград, но не «его одного, а совместно с представителем от Культпропа ЦК ВКП(б), или кого-либо от Совнаркома»⁵. Однако о предложении забирать не только врагов народа, но и их архивы даже не счел нужным упомянуть.

В Ленинграде Бонч-Бруевич скупает чуть ли не даром множество уникальных материалов, о чем 20 августа 1935 года он рапортует Молотову: «Владельцы охотно и с полным доверием передали мне эти материалы в долг, причем оценку их нам удалось *очень сильно понизить*» (курсив наш. — Авт.)⁶. Например, Евгении Николаевне Мининой — дочери друга драматурга, за ценнейшие фотографии Сухова-Кобылина Бонч-Бруевич уплатил всего-навсего 225 рублей.

⁴ Все эти рукописи мы собирали капля по капле. Документы к истории Государственного литературного музея // Источник. 2002. № 2. С. 57, 58.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Там же. С. 62.

Завершив столь блестяще ленинградскую эпопею — тотальную зачистку тамошних архивов, Бонч-Бруевич вспоминает наконец-то и о Сухово-Кобылине. В последний день 1935 года он направляет письмо Виктору Гроссману, понимая, что тот, знающий адрес Луизы де Фальтан, на этом этапе ключевая фигура на пути к архиву драматурга:

«Я хочу серьезно приняться за это дело, чтобы получить все, что имеется у его дочери из его литературного наследства. Я могу снести непосредственно, а кроме того и наши представители, живущие в Париже, также к ней зайдут и вплотную переговорят об условиях получения всего того, что у ней сохранилось. Мы, конечно, найдем способы переслать все, что у ней имеется, к нам в Москву. Когда мы получим эти материалы, мы сейчас же Вас об этом известим.

Будьте любезны с обратной почтой сообщить мне адрес графини Луизы де Фалетан (так! — *Авт.*). Я приму все меры, чтобы получить от нее материалы как можно скорее» (Ед. хр. 748. Л. 2).

Бонч-Бруевич точно все рассчитал, как, играя на доверчивости Луизы Александровны и используя честного литературоведа, автора выходящей превосходной монографии о Сухово-Кобылине, можно заполучить из Франции его архив.

Письмо Виктора Гроссмана, посланное 15 февраля 1936 года Луизе де Фальтан, явно инспирировано, если не просто продиктовано Бонч-Бруевичем:

«Длительная болезнь помешала мне немедленно ответить на Ваше любезное письмо.

Книга моя, посвященная жизни и творчеству Вашего великого отца, в ближайшие дни выйдет из печати и я Вам ее тотчас же отошлю.

По мнению всех, знакомых с книгой, память о замечательном русском комедиографе будет окончательно освобождена от каких-либо подозрений.

Теперь я работаю над обширной биографией, которая должна охватить жизнь всего семейства Сухово-Кобылиных, где было много выдающихся представителей — писательница Елизавета Васильевна, художница Софья Васильевна и т. д.

Вы были так добры, что согласились передать мне все литературное наследство Вашего отца: рукописи, письма, дневники, фотографические карточки его и членов семьи, печатные статьи и проч.

Имея в виду, что у нас предполагается полное собрание сочинений и писем Вашего великого отца (включая и его

философские работы), — необычайно важно, чтоб весь материал поступил ко мне возможно раньше.

Письмо это передаст Вам мой друг и доверенный Александр Яковлевич Аросев. Он дипломат. Вы можете ему доверить все и он передаст все полученные от Вас материалы. Переслать все бумаги в нашу страну для него не составляет никаких затруднений.

Если у Вас были расходы, связанные с перепиской, перепечаткой, хранением и т. д. этих материалов, т. Аросев уполномочен мною все эти расходы оплатить согласно Ваших указаний.

Вообще вся деловая сторона этого поручения мною доверена ему целиком и полностью»⁷.

Увы, в этом письме, очевидным инициатором которого был Бонч-Бруевич, все, за вычетом информации о книге Виктора Гроссмана и о задуманной им обстоятельной биографии всего семейства Сухово-Кобылиных, — ложь. Понятно, когда отвечаешь на искреннее и признательное письмо чуть ли не через два года (хотя и не по своей вине), приходится оправдываться версией о своей длительной болезни. И вряд ли А. Я. Аросев, в ту пору уже не дипломат, а председатель ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей) — одного из легальных филиалов НКВД, мог быть личным другом, да еще и доверенным историка литературы.

Но самая фантастическая выдумка в письме Гроссмана — Бонч-Бруевича: будто в СССР в 1936 году, в самый разгар Большого террора, собираются издавать полное (!) собрание сочинений и писем Сухово-Кобылина, да еще включая его философские труды! Не только в ту пору, но и ныне, спустя почти 70 лет, никто даже и не помышляет о столь грандиозной затее.

В письме нет хотя бы намек на какую-либо, пусть самую минимальную, пусть символическую, плату за архив, который дочь драматурга бережно хранила столько лет и сейчас готова расстаться с ним безвозмездно. Вместо этого заводится странная речь о возможной оплате неких ее расходов на переписку и перепечатку этих материалов, как будто Луизе Александровне вдруг ни с того ни с сего вздумалось таким способом копировать документы своего отца. И это все беспроектная игра на благородстве дочери великого писателя, которая, разумеется, ни за что не возьмет деньги за эти мифические расходы.

⁷ РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 1—1об. Машинописная копия, заверенная В. Д. Бонч-Бруевичем. На первой странице его резолюция: «В архив. К бумагам Сухово-Кобылина. 19/II 1936».

Почему же честный профессор согласился подписать столь явное вранье? Бонч-Бруевич, вероятно, сумел убедить его, что только таким образом можно заполучить заветный архив Сухова-Кобылина. А Виктору Гроссману так заманчиво было первым увидеть бесценные документы, дающие возможность раскрыть столько неизвестных страниц биографии драматурга, столько загадок его жизни, его трилогии.

29 февраля 1936 года Бонч-Бруевич в письме к Виктору Гроссману официально подтверждает заключенное между ними соглашение: «Во-первых, все те материалы, которые привезет нам тов. Аросев из Парижа, поступают в Государственный Литературный Музей, причем за Вами, как за автором по исследованию судебного дела, биографических и других документов Сухова-Кобылина, остается право на первое использование всех этих материалов, которые Вы обрабатываете для опубликования необходимых сведений о рукописях в наших Бюллетенях, а сами материалы подготавливаете к опубликованию в отдельном томе “Летописи” нашего Музея. После того, как эти материалы будут Вами описаны в Бюллетене и проработаны для “Летописи” и изданы в ней, все эти материалы поступают в общее пользование, согласно тех правил, которые выработаны Правительством для Государственного Литературного Музея» (Там же. Л. 3).

На этом миссия Виктора Гроссмана выполнена: больше Бонч-Бруевичу к нему уже незачем обращаться.

3

Спустя почти год Бонч-Бруевич приступает к завершению задуманной операции. Очевидно, Луиза де Фальтан колеблется: одно дело передать архив отца самому Виктору Гроссману, и совсем иное дело — вручить его представителю официального советского учреждения.

Бонч-Бруевич, не довольствуясь письмом от Виктора Гроссмана, решает подключить к своей комбинации и племянницу Сухова-Кобылина — Марию Михайловну Петрово-Соловово. Почему-то решив, что в Болье архивом фактически распоряжается не Луиза де Фальтан, а ее компаньонка мадам Бучер, Бонч-Бруевич уговаривает, если не заставляет, Марию Михайловну в январе 1937 года написать два письма к мадам Бучер: «Мадам, когда я как близкая родственница получу для издания труды писателя Сухова-Кобылина, я позже передам их Литературному Музею в Москве, уполномоченный взялся их перевезти в Москву. Я прошу вас передать представителю Музея, который вам вручит это письмо, все сочинения моего

дяди, которые находятся у моей кухни» (Ед. хр. 2943. Л. 249. Машинописная копия на французском языке). Марии Михайловне внушили, будто бы архив в Болье заберет представитель Литературного музея, а ей — лично в руки! — отдадут труды драматурга для их издания в СССР!

20 января 1937 года Бонч-Бруевич, посылая письмо-директиву полномочному представителю СССР во Франции В. П. Потемкину, наставляет его, как необходимо действовать, дабы не спугнуть графиню и ее компаньонку, а то как бы комбинация в самый последний момент не сорвалась, как у великосветского авантюриста Кречинского:

В Ницце «проживает 85-летняя единственная дочь известного драматического писателя и философа гегельянца СУХОВО-КОБЫЛИНА comtesse Falletan. Она сейчас очень плоха и можно ожидать ее смерти. Ее племянница (кузина переименовывается в племянницу! — *Авт.*), живущая в Москве, — Мария Михайловна Петрова-Соловова [?] путем длительной [?] переписки убедила свою тетку [?] передать весь оставшийся литературный архив Сухово-Кобылина нам в Государственный Литературный Музей <...> Очень прошу Вас совершенно немедленно, здесь буквально дорог каждый час, послать в Ниццу самого учтвого, изящного и обходительного человека из полпредства, хорошо знающего французский язык, этому человеку вручить письмо на имя м-м Бучер при сем прилагаемом от М. М. Петровой-Солововой [?] и мою доверенность на получение архива Сухово-Кобылина <...> Этот архив разыскивается в течение более 50 лет [?], но только теперь благодаря нашим большим связям здесь в Москве нам, кажется, удастся это сделать. И теперь все находится в Ваших руках.

Ваш посланник должен помнить, что эта старуха Фаллетан — графиня и что м-м Бучер из такого же общества и что нужно быть очень осторожным, чтобы чем-нибудь себя не скомпрометировать. Я прекрасно знаю, что Вы дадите надлежащие инструкции и все сделаете наилучшим образом» (Там же. Л. 248—248об. Здесь, как и в дальнейшем, сохранены все синтаксические и орфографические особенности В. Д. Бонч-Бруевича). Удивляет указанный в тексте срок: 50 лет, выходит, что поиск архива Сухово-Кобылина начался еще при жизни драматурга.

До чего же смахивает эта инструкция на наставление главного героя «Свадьбы Кречинского» своему клевету, незадачливому картежному шулеру Расплюеву, как взять солитер у Лидочки Муромской: «Ты отправляйся и отдай букет Лидии Петровне лично. Поздравь от меня с добрым утром, этак.

половчее, повальяжнее, отрекомендуйся... понимаешь? Да уберишь хорошенько... Если старик дома, букет отдай, а записки ни-ни. Я прошу в ней, между прочим, чтоб она прислала мне ее солитер, что я обделывал в булавку <...> Я пишу ей, что вчера был у меня о нем спор с князем Вельским и состоялось о нем большое пари <...> Получи вещь и принеси аккуратнейшим образом. (*Грозит ему.*) Об этом пари можешь и сам приврать что-нибудь <...> Или нет, не ври: у тебя во вранье всегда передел бывает». Только Михайло Васильевич, в отличие от Владимира Дмитриевича, никогда не был профессиональным революционером и профессиональным экспроприатором и поэтому собирался позаимствовать солитер лишь на время, а отнюдь не украсть.

Видимо, в полпредстве среди сотрудников удалось-таки отыскать «самого учтивого, изящного и обходительного человека», да еще «хорошо знающего французский язык». Его-то и направили в Болье для завершения операции...

25 февраля 1937 года добытые материалы отправлены в Москву, к Бонч-Бруевичу. Уже 9 марта он выражает сотруднику полпредства М. С. Мерле «самую искреннюю и большую благодарность»: «Мы уже принялись за разработку присланных материалов, архив очень интересен» (Там же. Л. 273).

Ну как же можно и тут не удержаться для пущей важности от привычного вранья: за несколько дней огромный массив присланных материалов даже бегло просмотреть ну никак невозможно, а не то что заняться их «разработкой».

Когда в Болье прибыл сотрудник советского полпредства В. Соколин, Луиза де Фальтан категорически отказалась передать ему архив. В секретном (!) послании к Бонч-Бруевичу порученец поведал, как после эпизодов, представлявших мешанину из «Пиковой дамы» и «Смерти Тарелкина», он заполучил рукописи Сухово-Кобылина, «в сущности, против воли графини» (Ед. хр. 1901. Л. 11, 12), обманув Луизу Александровну и ее компаньонку.

Не беремся судить, насколько хорошо В. Соколин владел французским языком, но в том же письме он едва ли не на уголовном жаргоне рапортует, как строжайшим образом предупредил компаньонку Фальтан, «что она является ответственной перед наследницей [Соловова] за сохранность остающегося добра (личная переписка, портреты, фотографии) и что, как только графиня исчезнет, ей придется все отложить, дабы претенденты не наложили руку на все это» (Там же. Л. 11).

Но на этом Бонч-Бруевич не успокаивается. Он жаждет приобрести еще и библиотеку Сухово-Кобылина, допытывается у сотрудников полпредства, все ли документы передала им дочь писателя.

От М. М. Петрово-Соловово он узнает, что там, в Болье, оказывается, есть еще чем поживиться, и заставляет племянницу драматурга снова писать во Францию к своей кузине — опять просить ее выдать все, что у нее еще осталось. А Луиза Александровна, кроме других литературных материалов, бережно хранила портрет отца, написанный в 1885 году академиком В. А. Бобровым, портрет, которым так дорожил Сухово-Кобылин. Этот портрет дочь драматурга собиралась завещать Эрмитажу, как она сообщила в приведенном выше письме к Виктору Гроссману.

16 мая 1938 года Луиза Александровна отвечает Бонч-Бруевичу: «Моя кузина, Мария Петрово-Соловово, которая занималась рукописями моего отца — русского писателя Сухово-Кобылина, написала мне, что Литературный Музей желает приобрести портрет, оцененный в десять тысяч франков. Этот портрет может быть Вам предоставлен за сумму 7.000 фр[анков], которые должны быть выплачены по адресу бульвар Маринони 32. **Я нашла также дневник моего отца и его письма:** все в прекрасном состоянии. Вы сможете также их получить за тысячу пятьсот франц[узских] франков. Мое материальное положение не позволяет мне расстаться с этими вещами, не получив за них деньги. Если мои условия Вам не подходят, прошу известить, п[отому] ч[то] у меня есть возможность получить за них деньги здесь» (Подлинник на французском языке: Ед. хр. 2085. Л. 2—2об. Перевод: Л. 1).

Как изменилась тональность писем Луизы Александровны: она заговорила непреклонно и жестко, заговорила языком своего великого отца, всю жизнь неустанно бившегося за свои литературные и материальные права. Догадавшись, что ее бессовестно обманули, что ценнейшие материалы попали не в руки выдающегося ученого, а в советское учреждение, она больше ничего не собирается отдавать им даром: продать — извольте, дарить — никогда.

На полях перевода резолюция Бонч-Бруевича секретарю музея К. Б. Суриковой: «**Экстренно К. С.** Сейчас же напишите ей, что дневник и письма мы охотно купим и что я очень прошу ее с обратной почтой прислать хоть маленькое описание дневника (сколько стр., какого года и пр.), а также сколько

писем и к кому, можно сказать, что мне это нужно для оформления. Портрет также купим вслед за дневниками и письмами. Спросите, нет ли у [нее] еще чего, и напишите, что я прошу прислать и их [и] всей их семьи фото для архива Сухов[о-]Коб[ылина]».

Текст письма, подготовленный Суриковой, Бонч-Бруевичу, видимо, чем-то не понравился, и он 1 июня 1938 года сам сочиняет очередное послание в Болье:

«Мадам, Гос. Лит. Музей в Москве с большим удовольствием готов приобрести дневник и письма Вашего отца, пис[ателя] Сухово-Кобылина.

Прошу Вас прислать нам краткий перечень документов: будьте добры указать годы и количество листов дневника, а так же количество писем, даты и имена. Нам это необходимо для того, чтобы мотивировать выплату 1500 франков, которые Вы сможете получить.

Что касается портрета Вашего отца, мы сообщим свое решение несколько позднее.

Просим Вас, сударыня, передать Литер. Музею фото всех членов вашей семьи — если они у Вас имеются.

Если Вы обнаружите еще какие-нибудь литературные материалы, я с радостью приму их» (Там же. Л. 5).

Бонч-Бруевич готов заплатить за дневник и письма Сухово-Кобылина, но его портрет, как и семейные фотографии, видимо, опять надеется заполучить как бесплатное приложение.

9 июля того же года Луиза Александровна более подробно извещает Бонч-Бруевича о материалах отца:

«Его дневник состоит из 2 тетрадей, в каждой из них приблизительно 100 стр. Он относится к 1863, 1864, 1874 и 75 годам. Все это в хорошей сохранности. Кроме того, имеется довольно большая связка писем и документов и 15 писем, адресованных мне лично. У нас есть также несколько фотографий отца и матери Сухово[-Кобылина], мои собственные карточки и несколько фото моего отца.

Мое крайне тяжелое материальное положение, вызванное долгами и тем, что мне приходится помогать моей кузине, живущей в России, заставляет меня требовать оплаты, без которой я не могу пожертвовать Вам все, что я предлагаю» (Подлинник на французском языке: Л. 6. Машинописная копия перевода: Л. 8).

Казалось бы, теперь-то уж все предельно ясно, какие материалы есть в Болье, за них-то и нужно платить, а не снова выискивать жульнические комбинации. Но Бонч-Бруевич придумывает новый трюк, как все-таки выудить оставшиеся

документы у дочери Сухово-Кобылина. Вот его письмо, посланное 15 июля 1938 года:

«Само собой понятно, что мы не просим Вас все эти материалы пожертвовать, а желаем все эти материалы у Вас купить. Вы пишете, что Вам приходится помогать Вашей кузине, живущей в Советском Союзе, что Вам для этого и нужны средства. Это обстоятельство очень облегчает наши взаимные расчеты: я был бы очень благодарен, если бы Вы разрешили уплатить за все эти материалы в наших советских деньгах и всю сумму сполна перевести Вашей кузине, адрес которой я прошу Вас сообщить. Такое разрешение вопроса было бы самым простым и всецело бы совпало с тем способом, которым мы приобрели главнейший материал по Сухово-Кобылину у Вашей тетушки, живущей под Ниццей. Если же Вам самим надо получить известную долю, то скажите только, какую именно, и мы Вам заплатим в французской валюте. Для того, чтобы судить, что мы должны Вам заплатить, я бы очень просил Вас отправить в наше Полпредство (адрес: <...>) все имеющиеся у Вас материалы: оно все нам вышлет. Мы здесь сейчас же все оценили бы и тогда ждали бы Вашего распоряжения как и кому уплатить деньги. Само собой понятно, что мы просим Вас прислать все документы: письма, записки, дневник, фотографические карточки и пр. деловые бумаги.

Будьте уверены, что выполнено все будет точно и аккуратно и вполне правильно.

Очень прошу Вас ответить мне как можно скорее» (Машинопись с небольшой правкой В. Д. Бонч-Бруевича: Там же. Л. 9—9об. Машинописная копия для перевода на французский язык: Ед. хр. 2943. Л. 313).

Директору Литературного музея так невтерпеж до конца обчистить дочь драматурга, дорваться до последних документов его архива, что он явно позабыл, что обращается отнюдь не к Марии Михайловне Петрово-Соловово, а к Луизе Александровне де Фальтан, превращая почему-то кузину в тетушку, да еще важно извещая Луизу Александровну, что эта ее тетушка, то бишь сама Луиза Александровна, живет под Ниццей! И зачем-то Бонч-Бруевич спрашивает у нее адрес Марии Михайловны, словно это не он инспирировал ее письма в Болье.

Заполучив посулами от владельцев ценные материалы, Бонч-Бруевич вовсе не спешил отвечать тем, у кого ему удалось выманить документы, ожидая, видимо, ухода бывших владельцев на тот свет или в ГУЛАГ. А когда отмалчиваться уже было никак нельзя, Бонч-Бруевич сочинял ответы, всячески занижая историко-литературное значение, а тем самым и реальную цену полученных им материалов.

Забрав у М. М. Петрово-Соловово за более чем скромную сумму ценные документы драматурга, директор предложил ей выплатить эти деньги не сразу, а в рассрочку. Эта рассрочка обернулась для престарелой женщины немалыми испытаниями, о чем она и написала Бонч-Бруевичу 22 мая 1938 года: «В моем возрасте мне трудно постоянно справляться по этому вопросу и напоминать об этом в Вашем секретариате, и я вынуждена прибегать к помощи родственников и даже знакомых» (Ед. хр. 1595. Л. 3—3об.). Признав претензии Петрово-Соловово справедливыми, Бонч-Бруевич позволил себе шуточку в сталинском духе: он, мол, не может освободить ее «от телефонных звонков в Секретариат справляться, получили ли мы деньги <...> из банка мы получаем наличными очень неравномерно и с большими трудностями. Все — этим объясняется» (Ед. хр. 1595. Л. 5).

Историк Павел Павлович Щеголев, сын известного пушкиниста П. Е. Щеголева, передал в 1935 году в Ленинграде И. С. Зильберштейну, сотруднику Литературного музея, многие материалы для музея, среди них: письма Сухово-Кобылина, единственный сохранившийся экземпляр трилогии «Картины прошедшего» с большой авторской правкой. Не знаю, дождался ли Павел Павлович, умерший 13 января 1936 года⁸, ответа на письмо, посланное им 18 июня 1935 года Бонч-Бруевичу: тот не только не прислал вовремя обещанные деньги, но даже не изволил известить сына историка, получены ли музеем переданные материалы (см.: Ед. хр. 2311. Л. 22—22об.).

А Марина Дмитриевна Менделеева-Кузьмина, дочь великого русского химика, вынуждена была обратиться сперва в Наркомат народного просвещения, а затем и к самому В. М. Молотову с настоятельной просьбой, чтобы сотрудники музея вернули ее рукопись, которую они взяли только для ознакомления, а потом посчитали своей собственностью: «...со мной поступили нехорошо, попросту обманули, и я продолжаю просить Вас побудить Литературный музей выполнить то, что мне было обещано Наркомпросом» (Ед. хр. 106. Л. 16об.). Не после подобных ли жалоб на музейных грабителей Бонч-Бруевича в 1939 году придется убрать с поста директора музея?

Луиза Александровна, конечно, не могла ничего знать об этих махинациях, но и своего личного опыта ей хватило, чтобы догадаться, с кем ей пришлось иметь дело.

⁸ См.: *Молок А. И.* Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903—1936) // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М.: Наука, 1973. С. 251.

Бонч-Бруевич предпринимает еще одну попытку захватить оставшиеся материалы архива Сухово-Кобылина, надеясь вновь использовать специфический опыт чекистов-дипломатов. 25 июля 1938 года он опять обращается за помощью к главе полпредства СССР во Франции В. П. Потемкину:

«Вы, конечно, помните, как два года назад при Вашем огромном участии мы получили архив Сухово-Кобылина огромной важности для науки.

Нам на днях написала внучка (тетушка уже стала внучкой! — *Авт.*) Сухово-Кобылина, у которой, оказывается, имеется значительная часть этого основного архива. То, чем она владеет, очень важно для целого архива. Так бы хотелось его получить. Из прилагаемой копии нашего письма к ней Вы увидите, как мы хотим поставить это дело, но я не уверен, удастся ли так. Было бы очень хорошо, если бы Вы кого-нибудь направили к ней и договорились бы с ней, узнали ее желание и цену; что именно у нее хранится, Вы увидите из копии ее письма, которое мы тоже Вам прилагаем, конечно, самое лучшее нам оплатить здесь, в Москве.

Когда что Вы узнаете по этому делу — пожалуйста, сообщите мне, — а дело это очень важное» (Ед. хр. 2085. Л. 10. Тот же текст — Ед. хр. 2913. Л. 312).

Но на сей раз проверенная комбинация сорвалась. Даже чекисты-дипломаты, не отличавшиеся, как хорошо известно, излишней щепетильностью, не пожелали больше выполнять поручения Бонч-Бруевича, фактически отказались принимать участие в грабеже престарелой женщины. Полпредство вместо «самого учтливового, изящного и обходительного человека», как хотелось бы Бонч-Бруевичу, послало Луизе Александровне лишь формальный запрос об архиве, подписанный секретарем полпредства Бирюковым.

Дочь драматурга, разгадав истинного автора этого запроса, свой без труда прогнозируемый ответ, датированный 7 августа, адресовала «Господину директору Литературного Музея и Господину Бирюкову в Париже»:

«В ответ на Ваше письмо от 23 июля 1938 г. ставлю Вас в известность, что я **не имею возможности выслать Вам документы без гарантии**, т. е. без предварительного взноса. Помощь, которую я оказываю своей кузине, я не могу более оказывать, мое положение мне это не позволяет; чтобы помочь своей кузине в Москве, мне пришлось войти в большие долги, и теперь надо мной висит угроза, что кредиторы наложат арест на ренту, которой я живу» (Машинописный подлинник на французском языке: Ед. хр. 2085. Л. 12. Машинописная копия

на французском языке: Ед. хр. 2943. Л. 315. Машинописный перевод: Ед. хр. 2085. Л. 11).

На этом прекращается переписка Бонч-Бруевича с Луизой де Фальтан. Выманив у нее бесплатно громаднейший архив Сухово-Кобылина, Бонч-Бруевич так и не захотел (а может быть, и не смог: так как неизменно урезались его расходы на закупки) заплатить за оставшиеся материалы Сухово-Кобылина.

5

Пора вернуться к Виктору Гроссману: это же с его невольной подачи и началась история захвата большевиками архива Сухово-Кобылина. Напомню: Бонч-Бруевич 29 февраля 1936 года заключил с ним соглашение, по которому ученому предоставлялось право на первое использование всех полученных материалов.

Но теперь директор Литмузея передумал и не хочет допускать Виктора Гроссмана к архиву драматурга. Бонч-Бруевич уклоняется от встреч с профессором, предпочитая вести неприятные переговоры через своего секретаря Сурикову. Директор решил передоверить уникальнейшие материалы не знатоку биографии и творчества Сухово-Кобылина, а совсем другому лицу, не имевшему каких-либо заслуг на поприще русской словесности.

Сурикова, резонно опасаясь, что в случае проверки ее же обвинят в том, что она, хотя и по приказанию Бонч-Бруевича, но врала Виктору Гроссману, 4 сентября 1937 года пишет для перестраховки докладную записку своему директору. Это настолько важный документ, приоткрывающий механику вершения дел в музее, что привожу его полностью:

«Довожу до Вашего сведения, что 1-го сент. с. г. был в Музее В. А. ГРОССМАН, желавший получить от Вас ответ: когда он сможет приступить согласно В[ашему] обещанию к работе над полученным из-за границы архивом Сухово-Кобылина. Я напомнила В. А. Гроссману о его телефонном разговоре с Вами и Вашем приглашении притти к Вам и побеседовать лично. В. А. Гроссман заявил, что телефонным разговором с Вами он не удовлетворен, так как обработка этого архива предлагается другому товарищу, а ему какая-то часть, когда он имеет все права на весь архив полностью, причем В. А. Гроссмана не интересует обработка этого архива для “Летописи” и “Бюллетеня”, а исключительно для его личной работы по Сухово-Кобылину. В. А. Гроссман свои права основывает на следующих положениях:

1) он указал Музею адрес дочери Сухово-Кобылина,

2) без его книги, реабилитирующей память Сухово-Кобылина, этого архива Музей не мог [бы] купить,

3) Вы в письме обещали ему это право за содействие В. А. Гроссмана в получении архива.

И на основании всего этого Гроссман просит у Вас, когда он сможет работать над архивом.

Желая избежать разговора с Вами в резких тонах, в случае отрицательного ответа, В. А. Гроссман предпочтет писать в Комиссию Партийного Контроля обо всем этом деле, причем подчеркнет то обстоятельство, что вначале вы действовали не через полпредство, как он указывал, а через А. Я. Аросева.

На следующий день В. А. Гроссман узнавал у меня о результатах моего разговора с Вами. Я передала В. А. Гроссману сказанное Вами, а именно, что обращение к дочери Сухово-Кобылина потерпело фиаско, что архив получен через другое лицо полпредством и этим самым аннулируется и данное Вами обещание на обработку им этого архива. Тогда В. А. Гроссман сказал, что, зная официальное положение В. А. ПАВЛОВА по отношению к нашему Музею, Ваше предложение тов. Павлову работать над архивом Сухово-Кобылина расценивается определенно и это тоже будет служить материалом для разбора дела в Комиссии Партийного Контроля.

Причем присовокупил, чтобы я посоветовала Вам не осложнять этого дела, что я делать категорически отказалась и добавила, что я только протокольно передаю все разговоры и что все эти разговоры было бы желательно вести непосредственно.

В. А. Гроссман просил после всех этих разговоров узнать у Вас:

Может ли он 15 сентября с. г. приступить к обработке архива.

14-го сентября с. г. В. А. Гроссман будет звонить в Музей» (Ед. хр. 106. Л. 7—7об.).

Текст не слишком-то грамотный и внятный, но все же позволяет узнать много нового об этой детективной истории. Как выясняется, сперва Бонч-Бруевич пытался получить архив, используя свои личные связи с А. Я. Аросевым — председателем ВОКСа, и лишь затем обратился в советское полпредство, на чем с самого начала и настаивал Виктор Гроссман.

Ученый доказывает свое право первым начать изучение архива Сухово-Кобылина, а в ответ слышит откровенную ложь Бонч-Бруевича, «что обращение к дочери Сухово-Кобылина потерпело фиаско, что архив получен через другое лицо пол-

предством и этим самым аннулируется и данное <...> обещание на обработку <...> этого архива».

Из записки узнаем о намерении Виктора Гроссмана обратиться в Комиссию партийного контроля для защиты своих прав. Однако, думается, в этой комиссии Бонч-Бруевич пользовался куда большим влиянием, нежели историк литературы.

И наконец, в записке впервые названо имя того, кому Бонч-Бруевич передоверил изучение архива Сухово-Кобылина,

Не знаю, пришел ли 14 сентября рокового 37-го Виктор Гроссман в Литературный музей, успел ли он послать жалобу в Комиссию партийного контроля; не знаю точно, когда он был арестован, но больше о нем в ту пору никаких сведений нет. Имя замечательного биографа Сухово-Кобылина надолго исчезнет из научной литературы.

В тот самый день, 15 сентября 1937 года, когда Виктор Гроссман собирался приступить к обработке архива Сухово-Кобылина, Бонч-Бруевич посылает некоему В. А. Павлову «письменное предложение стать во главе научно-исследовательской разработки [?] всех материалов, поступивших к нам с разных сторон, касающихся творчества А. В. Сухово-Кобылина» (Ед. хр. 217. Л. 3). Бонч-Бруевич вновь не смог удержаться от привычного вранья, тут уж вовсе бессмысленного, абсолютно никому не нужного: архив драматурга был получен вовсе не с мифических «разных сторон», а только с одной стороны, вернее, из одной страны — из Франции.

Кто такой В. А. Павлов, чем он доселе занимался, неизвестно — не удалось отыскать не то что его книги или статьи, но даже самой крохотной заметочки о Сухово-Кобылине или о каком другом русском писателе. Нашлось у литературного выдвиженца лишь одно преимущество перед ученым: он был, видимо, родственником одной из сотрудниц музея.

Ему-то Бонч-Бруевич и предложил организовать бригаду для подготовки работы «к печати в наших “Летописях”, которой мы отведем два тома, ибо в один том, как мне кажется, все материалы не войдут, хотя наши тома “Летописи” очень емкие по своему формату» (Там же).

Новоиспеченного специалиста по Сухово-Кобылину Бонч-Бруевич благословляет на литературоведческий подвиг именем вождя мирового пролетариата:

«Буду очень рад, если мы начнем с Вами эту прекрасную работу, тем более, что у меня к ней имеется особое пиететное отношение, ибо В. И. Ленин в одном из своих собеседований за границей по поводу распространения гегельянства в России несколько раз упоминал имя А. В. Сухово-Кобылина как первого гегельянца и говорил, что он читал как-то заметки

этого первого гегельянца в нашей прессе. Сейчас я не помню, про что именно он говорил. Владимир Ильич выражал сожаление, что о работах Сухова-Кобылина ничего неизвестно, хотя он и слышал, что Сухово-Кобылин много работал над Гегелем и написал много сочинений, но где они находятся, — никому в то время не было известно, и вот теперь все это находится в наших руках. Так что, издавая это собрание материалов, мы как бы выполняем завет Владимира Ильича, и этой для нас святой памятью мы будем воодушевляться при этой работе»⁹ (Там же. Л. 3об).

Директор дает Павлову два года «на подготовку к печати биографических материалов о А. В. Сухово-Кобылине и на общее редактирование Летописи «Сухово-Кобылин»» (Там же. Л. 4).

Павлов и его сотрудники начинают знакомиться с архивом Сухова-Кобылина. Они, вероятно, простодушно думали, что, отдав материалы для перепечатки машинисткам, можно будет наскоро подготовить вступительные статьи и, написав в ведомости энную сумму прописью, отправиться на поиски новых заработков.

Каково же, наверно, было их удивление и разочарование, когда они увидели огромный массив документов, исписанных причудливым почерком Сухова-Кобылина, подчас напоминающим то ли иероглифы, то ли клинопись. Да тут не то что двух лет, отведенных Бонч-Бруевичем, не хватит на разгадку всех ребусов и завитушек писателя, всей жизни и то мало будет. Тем более павловские шабашники не отважились бы на публикацию в 1938 году дневника закоренелого монархиста, его странных по меньшей мере философских изысканий.

Не видя несколько месяцев никого из членов павловской бригады в вверенном ему литературном заведении, Бонч-Бруевич впервые всерьез беспокоился. Уже 19 февраля 1938 года он шлет тревожное послание своему литвыдвиженцу, наивно полагая, что тот пока, лишь пока, не мог «приступить к общему редактированию Летописи, так как члены Вашей бригады своих работ еще не сдали. Они совершенно не бывают

⁹ Это же Бонч-Бруевич повторил и в письме к Сталину (правда, в укороченном варианте) 24 февраля 1945 года, с гордостью рапортуя вождю, как он вывез из Франции «много ценных материалов — например, архив первого русского гегелианца Сухова-Кобылина, трудами которого весьма интересовался Владимир Ильич» (Все эти рукописи мы собирали капля по капле. С. 76). Но даже вождь всего прогрессивного человечества не был настолько невежественным, чтобы клюнуть на эту ахинею.

у нас и я начинаю колебаться [?] в их работоспособности» (Там же. Л. 4—4об.).

Увы: позабыв про полученный аванс, Павлов и его работники попросту разбежались: больше в музей их никто и никогда не видел. Понапрасну Бонч-Бруевич взывал к Павлову, требовал отчета о проделанной работе, просил его явиться в музей, грозил расторжением договора, взысканием аванса, слал письма и обычные, и особые («С курьером! Под расписку!»). Того и след простыл...

История с Павловым повторилась почти точь-в-точь, когда Бонч-Бруевич поручил изучение архива своему новому выдвиженцу — И. М. Клейнеру. Тот, не желая утруждать себя сложнейшей расшифровкой дневников драматурга, сваливает эту адскую работу на машинистку... Опять директор Литмузея тщетно требует отчета о проделанной работе, умоляет явиться в музей, шлет заказные письма («С курьером! Под расписку!»)¹⁰.

Запланированный том «Летописи» под названием «Сухо-во-Кобылин» так и не вышел в свет.

Архив Сухова-Кобылина, вместе с фондами многих других русских писателей, в 1941 году передали из Литературного музея в ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ). До сих пор научное описание этого ценнейшего архива великого русского драматурга и философа не только не опубликовано, но даже не подготовлено.

Можно только горько посетовать, что Бонч-Бруевич не допустил Виктора Гроссмана к архиву Сухова-Кобылина. Вернувшись из мест не столь отдаленных, автор лучшей по сей день биографии драматурга опубликует два романа о Пушкине, но больше уже никогда не вернется к своему Сухово-Кобылину, для изучения которого он сделал куда больше, чем авторы всех вместе взятых советских монографий о писателе.

¹⁰ И. М. Клейнер продолжал изучать архив драматурга и в 1944 году выдал докторскую диссертацию «А. В. Сухово-Кобылин в свете новых материалов». Литературовед ввел в научный оборот некоторые документы и факты из биографии драматурга, однако, не имея ни малейшего понятия о работе с архивными источниками и о принципах их публикации, переврал все, что только было возможно. В его книге «Драматургия Сухова-Кобылина» (М.: Советский писатель, 1961) искажены все до одной — буквально до одной! — цитаты из трилогии «Картины прошедшего».